

Пшидаток Амир Рашидович,

Преподаватель литературы в онлайн-школе «Фоксфорд»,

Краснодар

ФОРМАЛИСТСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИЗМА КАК ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Данная статья пытается выявить каузальность между психологизмом (популярным идеологическим течением рубежа XIX-XX веков) и русским формализмом, представители которого подвергали психологизм тотальной критике. Выявлен общий (материалистический, номотетический, позитивистский) базис двух, на первый взгляд, противоречивых течений в гуманитарных науках.

Ключевые слова: психологизм, антипсихологизм, формализм, ОПОЯЗ, феноменология, историзм.

Проблема историко-идеологической детерминации формализма стала предметом рефлексии ещё для современников ОПОЯЗа в 1920-ые годы (вроде Михаила Бахтина или Павла Медведева) [1\$ 2], однако до сих пор история науки далека от какой-либо каноничности в решении этой эпистемологической проблемы. Двойственность проблемы историко-идеологического исследования русского формализма проявляется, с одной стороны, в большом объеме фактографического материала (мемуарные очерки, письма), посвященных истории формалистского движения, с другой, в отсутствии какого-либо историософского или культурологического базиса в исследовании генезиса и эволюции русского формализма, которые либо подменяются попыткой реконструкции методологии ОПОЯЗа с опорой на австро-немецкий и англо-американский неопозитивизм, либо критикой этой аппрезентированной методологии с опорой на феноменологическую эстетику (примером которой считают и приписываемую Бахтину работу Павла Медведева «Формальный метод в литературоведении» [2]).

Последователи (и исследователи) формализма близки им по своему мировоззрению, поэтому историко-генетических «находок», выявляющих предтеч формального метода, той идеологической среды, в которой возникли основные категории ОПОЯЗа, в работах, подобных «Формализму» Оге Ханзен-Лёве [4], мы не встретим. Ирония судьбы заключается в том, что западные постструктуралисты, «отрицая предшествующую традицию», парадоксальным образом устанавливают преемственность с русским формалистами, точно так же, как «новые левые» – с троцкистами 1920-ых. Общеизвестны фрондирующие и нигилистические заявления формалистов раннего периода (в период их близости к футуристам): пафос кардинального переустройства всей эвристической и поэтической парадигмы, отрицание эстетического объекта и субъекта в их классическом понимании. Подобный же пафос был свойственен и позднейшим историко-филологическим исследованиям Романа Jakobsona, посвященных направлению, в возникновении и, в особенности, в популяризации которого он сыграл ведущую роль. Впрочем, и Jakobson, и Ханзен-Лёве непоследовательны в своём «имманентном» подходе и часто прибегают к компаративному анализу, сравнивая поэтологические идеи формалистов со многими идеями различных мыслителей (от Аристотеля до структуралистов и постструктуралистов, своих современников) просто эти сопоставления лишены историзма и каузальности.

Большая часть работ, посвященная формализму, подменяет историко-каузальное исследование произвольными аналогиями эпатажных манифестов ОПОЯЗа с различными авангардными группировками 1910-ых–1920-ых годов, в основном, с «Гилеей», реже с символистами и зарубежными эстетиками. В действительности, многие тексты формалистов мало чем отличаются от критических или полемических статей, они сторонились энциклопедических дефиниций, почти не ссылались на авторитетные источники, стремились к синхронизации литературоведческой науки и её предмета.

Однако как много раз, начиная с Михаила Бахтина и Павла Медведева, было указано, эта фронда носит напускной и лукавый характер. Безусловно, программными публикациями русских авангардистов (вроде Казимира Малевича или Алексея Крученыха) интеллектуальная атмосфера ОПОЯЗа не ограничивалась, молодые столичные филологи прекрасно были посвящены в классическую и новейшую философию, лингвистику, индуктивное искусствознание, и маркеры этих глубоких познаний присутствуют в их самых запальчивых текстах. Авангард привлекал формалистов как (анти)эстетический идеал – преодоление материала формой (структурой), отказ от любой миметичности, симультанность субъекта и объекта художественной апперцепции.

Отказ от большого количества цитат и референций не говорит о незнании. Начиная с Павла Медведева основополагающим для формирования формалистской поэтики называют психологизм – очень широкое и очень популярное метанаучное направление в гуманитарном знании XIX – начала XX вв. – стремившееся к преодолению как устаревших категорий классической метафизики, так и вульгарного материализма, свойственного позитивистской науке на раннем этапе. Это направление имело неопределимое значение для формирования постклассической эстетики и «научной» лингвистики, без чего не возможен научный разговор о формализме.

Несмотря на постоянный интерес к формализму в филологической среде, указанной проблеме посвящено совсем незначительное количество работ. Следует отметить монографию И. Ю. Светликовой «Истоки русского формализма. Традиция психологизма и формальная школа», изданную в 2005 году [3]. Однако назвать большой удачей эту работу нельзя. Во-первых, непонятен пафос первооткрывателя «находки» психологистических истоков формальной школы через 80 лет после публикации «Формального метода в литературоведении» Медведева, во-вторых, автор не различает психологизм как идеологическое направление и многочисленные школы в психологии XIX

века, многим из которых был чужд монизм, в-третьих, не выявлен единый, неопозитивистский философский базис, объединяющий, на первый взгляд, противоречивые идеологические направления как психологизм и формализм. В целом, основа книги – произвольные аналогии между формалистской номенклатурой (в первую очередь, термином «остранение») и понятиями различных школ западной психологии (то, в чём автор упрекала Ханзен-Лёве).

Как с темой нашей статьи соотносятся многочисленные антипсихологические заявления, которыми переполнены программные публикации формалистов (и не только раннего, «революционного периода»? И Тынянов, и Шкловский, и Эйхенбаум отрицали какой-либо индивидуально-биографический генезис литературного творчества, жизнь и внутренний мир писателя считали «всего лишь» материалом, импульсом для художественной формы, индифферентным к ее структуре и функциональности. Однако это свидетельствует о том, что в 1910-1920-ые годы не было четкого разграничения биографизма и психологизма в литературоведении, которое стало магистральным для истории этой науки во второй половине XX века. Нет четкого разделения и у основоположников этих школ – Шарля Сент-Бёва и Ипполита Тэна соответственно. Подобную точку зрения отстаивали Ханзен-Лёве и Светликова в упомянутых трудах, однако современная эпистемология презентует формализм как предтечу структурализма, самого влиятельного антипсихологического направления в гуманитарных науках XX века.

Психологизм занимает неоднозначное положение в истории гуманитарных наук. Исследователи (социологи, лингвисты, философы, собственно психологи) в большинстве своем говорят о психологизме как о досадном увлечении значительной части ученых рубежа веков, чуть ли не наряду с оккультизмом. Но это в корне неверно. Психологизм не просто претендовал на роль метанаучной исследовательской парадигмы, он стремился стать материалистическим субститутом философии и окончательно преодолеть все метафизические категории. При этом он обрел невероятную популярность в

интеллектуальных кругах, в том числе, и в России. История литературоведения вообще игнорирует этот феномен или в лучшем случае становится на позицию своих идеологических предшественников: в коллективной монографии «Академические школы в русском литературоведении» (1976) И. В. Осьмаков и А. П. Чудаков [5] подвергают психологическую школу критике с чисто структуралистских позиций (несмотря на обманчивую историко-материалистическую риторику) за препятствие объективации и специализации поэтологической науки.

Негативное отношение формалистов к психологистам во многом мотивировано и их радикальными политическими взглядами: психологизм – идеологический базис декаданса и эстетизма, против которого выступали идейные соратники ОПОЯЗа – футуристы (которые также обладали глубинной преемственностью со своими предшественниками). Эгоцентризм, солипсизм, сенсуализм справедливо ассоциировался у молодых филологов ультралевых взглядов с кризисом капиталистической системы и герметичной дореволюционной аристократии. Несмотря на физикалистскую терминологию (которую так критиковал Бахтин) формалистам был свойственен мессианский пафос кардинального преобразования всей эстетической и эпистемологической парадигмы, но декларации об отсутствии какой-либо преемственности как со старшими современниками, так и с классиками были не более чем нигилистической фрондой.

Психологизм, как и большинство философских школ, возник в Германии (большую роль к концу XIX века стали играть также австрийский эмпириокритицизм и фрейдизм позднего периода). Он был реакцией как на изжившую себя университетскую метафизику, так и на англо-французский позитивизм, который изгонял человека из им же созданных гуманитарных наук (или наук о духе), подменяя центральную философскую категорию суммой различных (биогенетических, географических, социально-экономических) внешних обстоятельств. Психологизм сыграл ведущую роль в переходе к

постклассической философии, стремясь преодолеть всю систему философского знания (в первую очередь, этику и гносеологию) и основные бинарные оппозиции классической метафизики (в первую очередь, различие субъекта и объекта). Несмотря на то, что все «мейнстримные» течения постклассической философии выстраивали свою систему на отрицании психологизма, он во многом подготовил этот когнитивный «переворот», преодолев эмпиризм науки XIX века, стремясь исследованию структур сознания в их феноменологической когерентности и симультанности.

Огромную роль в распространении психологизма в искусствоведении и художественной критике сыграли представители австрийской и немецкой формальной (материальной) эстетики вроде Теодора Липпса или Генриха Вёльфлина, которые разъяснили особенности формы художественного произведения рецептивными установками его автора. Психологистическая эстетика стремилась к преодолению умозрительности и аисторизма эстетики классической, стремясь найти базис в эмпирико-экспериментальных разделах знания (археология, нейрофизиология), и при этом специализировать эстетический объект, обособить его среди других культурных феноменов.

Антипсихологические инвективы формалистов были направлены в первую очередь против представителей психологизма в языкознании от Карла Фосслера до Дмитрия Овсяннико-Куликовского, развивавших тезис о тождестве мышления и языка. Критика носила поверхностный и предвзятый характер (даже у Якобсона). Формалисты совершенно игнорировали антропологические открытия школы (корреляция изменений орнамента и эволюции глубинной психологии у Вильгельма Воррингера), что объяснялось их антиисторизмом.

Декларации об упадке психологизма совершенно не соответствует исторической действительности, наоборот, его стремление свести все феномены культуры к психическим (а соответственно, и к физиологическим) феноменам достигло своего апогея в англо-американском бихевиоризме и русской рефлексологии (реактологии), которые сделали основные личностные

характеристики обусловленными генетически, соответственно над-индивидуальными. В это же время происходит широкое увлечение фрейдизмом, неопрейдизмом и юнгианством. То же положение в идеологической среде (метанаука о человеке) с 1950-ых пытаются занять когнитивные / нейро-науки, которым свойственен тот же нонантропоцентрический и материалистический пафос, что и психологическим наукам рубежа XIX-XX веков.

Главное, что объединяет психологистов и формалистов – номотетический, материалистический и имперсональный подход к искусству, делающий центральным объектом исследования систему приемов-раздражителей, единственная цель которых – растревожить искусственную и изощренную чувственность современного обывателя, какой бы футуристический пафос представителям ОПОЯЗа не был свойственен. Отрицание основных эстетических категорий – признак общекультурного кризиса и социальной депривации, отрицание возможности диалога, абсолютизация рецептивной установки текста изгоняет из художественной парадигмы не только автора, но и читателя как собеседника, как Другого. Свойственная в кризисных ситуациях человеку рекуррентность проявлялось у формалистов в возвращению к самому что ни есть старомодному гедонизму и попыткам герметизировать искусство, лишить его атрибутов социокультурного института. Антипсихологизм формалистов был мнимым: нивелируя субъектность автора (как его экзистенциальный опыт, так и мировоззрение), они абсолютизировали субъектность созерцателя-реципиента, стохастические реакции-ощущения которого становились единственной ценностью бессмысленного и беспредметного искусства. Формализму свойственен гибрид гиперрационализма и сенсуализма, который и был философски базисом психологизма XIX-XX веков.

Список литературы:

1. Медведев, П. Н. Ученый сальеризм / П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов, И. И. Канаев. Бахтин под маской. – М.: Лабиринт, 2000. С. 6-18.
2. Медведев, П. Н. Формальный метод в литературоведении // П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов, И. И. Канаев. Бахтин под маской. – М.: Лабиринт, 2000. С. 185-345.
3. Светликова, И. Ю. Истоки русского формализма. Традиция психологизма и формальная школа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 185 с.
4. Ханзен-Лёве, О. А. Русский формализм. М. Языки русской культуры, 2001. 671 с.
5. А. П. Чудаков, И. В. Осьмаков. Психологическое направление в русском литературоведении / Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1976.